

Тригорское

МИНИСТЕРСТВО КУЛЬТУРЫ РСФСР

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ПУШКИНСКИЙ ЗАПОВЕДНИК

Т р и г о р с к о е

Краткий путеводитель

—1963—

Пушкинские Горы

Текст
С. С. Гейченко

В двух с половиной верстах от Михайловского, на берегу Сороти, у раздолья полей и лугов, на одном из трех смежных холмов высится Тригорское, имение Осиповых-Вульф, соседей и друзей Пушкина.

История Тригорского—характерная история русского дворянского гнезда. В 1762 году Екатерина II щедро наградила М. Вындомского, шлиссельбургского коменданта, Егорьевской губой, в состав которой входило сельцо Тригорское. Его унаследовал А. М. Вындомский. В 1813 году, после его смерти, хозяйкой Тригорского осталась П. А. Осипова-Вульф. Она, пятеро ее детей от первого брака, Анна, Алексей, Михаил, Евпраксия и Валерьян Николаевичи Вульф, двое детей от второго брака, Мария и Екатерина Ивановны Осиповы, падчерица ее Александра (Алина) Ивановна Осипова, зачастую гостившие там ее племянницы «Анны», Керн и Вульф, составляли большую, образованную, даровитую семью обитателей Тригорского в пушкинское время.

Для всех них и для гостившего здесь в 1826 году поэта Н. М. Языкова Пушкин, как поэт и человек, стал предметом самого искреннего поклонения.

Каждый приезд свой в Михайловское Пушкин бывал и в Тригорском, а в годы михайловской ссылки Пушкин часто называет себя «тригорским изгнанником». Обитателям Тригорского Пушкин посвятил такие шедевры, как «Цветы последние милей», «Если жизнь тебя обманет», «Я вас люблю, хоть я бешусь», «Я помню чудное мгновенье» и многое другое.

Тригорское стало неповторимым памятником, тесно связанным с воспоминаниями о Пушкине, с его творчеством. Как и Михайловское, оно было объявлено заповедным именем согласно декрету СНК РСФСР от 17 марта 1922 года и сегодня является неотъемлемой частью Пушкинского заповедника.

Дом Осиповых-Вульф

Поднявшись по ступенькам на крайний северный холм, мы подходим к месту, где стоит тригорский дом.

... Дом, где вировали мы,
Приют, сияньем муз одетый, —

благодарю, вспоминал о нем Пушкин.

Старый дом не сохранился. Он был воссоздан в 1962 году в соответствии с Генеральным планом развития мемориальной части пушкинского заповедника, на старом фундаменте и по сохранившимся изображениям и описаниям.

Одноэтажный, деревянный, крытый и обшитый некрашеным тесом, дом был так прост потому, что когда-то здесь была полотняная фабрика, а господский дом располагался в глубине парка, южнее линейного зеленого зала. Только в 1820-х годах, задумав перестроить старый дом П. А. Осипова-Вульф перенесли сюда. Дом был переделан, украсился высокими портиками с деревянными колоннами, соединявшимися внизу деревянным переносом. Вид его вполне отвечал традиционному представлению о господском деревенском доме, уединенном, над рекой, на горе, с открывавшимся оттуда на окрестные доли, луга и лес поразительно красивым видом.

Южную половину дома с запада на восток составляли: комната П. А. Осиповой, гостиная, комната Евпраксии Пиколаевны, кабинет А. В. Вульфа, буфетная и кладовая; на север выходили передняя, столовая, библиотека, девичья, классная комната, примыкавшая к балкону.

Обстановку дома составляли стулья и кресла с накладными подушками, диваны, ломберные круглые столы, настенные зеркала, буфеты, столовые и часы. Многочисленные мелочи, сувениры, альбомы дополняли обстановку обжитого, уютного, провинциального господского дома,

с переходящим из поколения в поколение палащенным бытом, с его удобствами, развлечениями, лакомствами, которыми Пушкин был лишен в Михайловском и которые поэтому были ему особенно дороги. «Каждый день, часу в третьем пополудни, Пушкин являлся к нам из своего Михайловского, — вспоминала М. И. Осипова. — Ну, пришел Пушкин — все пошло вверх дном; смех, шутки, говор так и раздаются по комнатам».

Это был интересный и для наблюдений поэта дом, где следя за литературой, музыкой, поначалу мечтают «в просвещении быть с веком наравне», проходят университетский курс, начинают карьеру, выходят в отставку, вымалачивают из крестьян доход и, наконец, оседают в наследственном углу, забыв мечтания прежних лет, превращаясь в того деревенского старожилы, что «с ключницей бранился, в окно смотрел да мух давил».

Многие наблюдения Пушкина над бытом и правами тригорских помещиков и их крепостных нашли свое отражение в романе «Евгений Онегин». Вместе с тем многие из этих наблюдений и своих мыслей Пушкин мог обсуждать с самыми же обитателями дома. Здесь он читал свою поэму «Цыганы». Словом, Тригорский дом оказался в числе тех «наилучших условий», в которых, по собственному его признанию, находился Пушкин в Михайловском, чтобы закончить свой роман в стихах.

Особенно Пушкина привлекала большая библиотека. В книжных шкафах черного дерева и «под орех» теснились сочинения Ломоносова, Шекспира, Горация, книги по истории России, Франции, Англии, Древнего Рима, учебники по естествознанию, физике, химии, карты, словари — словом, своеобразный домашний университет, столь полезный Пушкину в михайловском изгнании.

В гостиной стоит рояль, такой же как при Пушкине,

Пушкин слушал здесь в прекрасном исполнении пьесы Глики, Россини и другую лучшую музыку своего времени.

...езде, везде в душе моей,
Благославлю моих друзей.
Нет, нет, нигде не позабуду
Их милых ласковых речей... —

писал Пушкин о своих тригорских друзьях.

Еще современники оценили Тригорское как пушкинский памятник.

При последних владельцах Тригорского в доме был устроен маленький музей (пушкинская комната), где были сосредоточены вещи, имевшие отношение к Пушкину: столик, за которым он писал, когда гостил в Тригорском, ночной его столик, на котором была изображена мадонна, большая потемневшая картина «Искушение св. Антония» с изображением бесов в различных видах и с различными соблазнами, под впечатлением которой Пушкин, по преданию, «навел чертей в сон Татьяны» и пр.

Из подлинных вещей, с которыми непосредственно связано воспоминание о Пушкине в Тригорском, ныне в Доме-музее хранятся рабочая шкатулка и чернильница, подаренные Пушкиным Е. Н. Вульф, стол, за которым Пушкин работал в Тригорском, кресло Алексея Вульф, часы, картины фламандской школы и ряд других предметов. Здесь же вещи из тригорского дома, не связанные прямо с именем Пушкина, предметы обстановки того времени, а также репродукции с рукописей произведений Пушкина, посвященных обитателям Тригорского, письма Пушкина и Пушкину и другие документальные материалы.

П а р к

Тесно связан с воспоминаниями о Пушкине и живописный Тригорский парк. Это замечательный образец русского садово-паркового искусства второй половины XVIII века. Он занимает площадь в 20 га. От фундамента дома Осиповых-Вульф между прудом и поросшим деревьями скатом холма к Сороти ведет тропинка к началу парка.

Вот тропинка перешла в небольшую липовую аллею. Первый поворот направо — аллея выходит на площадку у обрыва над рекой. Тридцать старых лип образуют естественную беседку. Под склонившимся к обрыву старым дубом — старинная садовая скамья. Это «Скамья Онегина».

Так нарекло этот поэтический уголок Тригорского парка предание, возникшее в семье Осиповых-Вульф, которое связало с этим местом сцену объяснения Онегина с Татьяной в знаменитом пушкинском романе.

Отсюда открывается замечательный вид на приволье полей, лугов, причудливые извивы Сороти. Хорошо видно здесь дорогу из Михайловского, по которой Пушкин приезжал в Тригорское.

Отсюда, вернувшись в аллею, надо идти прямо до развилки дорожек у старого развесистого дуба. Справа — спуск к поросшему дерном фундаменту старой баньки, где иногда ночевал Пушкин. Особенно часто бывал он здесь летом 1826 года, когда в Тригорском гостил поэт Н. М. Языков. Здесь Пушкин, Языков, Дельвиг, Вульф мечтали о будущей свободной русской литературе, здесь звучали их стихи, пенились бокалы.

Напротив фундамента — беседка из старых лип. Несколько маршей деревянной лестницы ведут к месту купальни Осиповых-Вульф. Неподалеку — группа рябинок. Это «Место под рябинами» над Соротью, где впоследствии мечталось Пушкину встретиться со своими тригорскими друзьями.

Вернемся к развесистому дубу. Перед вами — прямоугольная большая площадка, обсаженная старыми липами — это «Зеленый танцевальный зал», его огораживает прекрасная узкая аллея из старых лип. Здесь когда-то звучали старинные вальсы и кадрили, слышались шутки, смех тригорской молодежи.

Неподалеку барбарисовый куст, из зарослей которого едва выбрался Пушкин, выпрыгнув туда в перыве шалости.

Вот горбатый мостик повис над узким заросшим овражком. За мостиком — маленький пруд. Старые деревья, белые кувшинки на больших зеленых листьях красиво от-

ражаются в его зеленоватой глади. Одной из березок на берегу этого пруда Пушкин когда-то спас жизнь: он упрямил хозяйку Тригорского, П. А. Осипову, не вырубать дерево. Зеленый холм на противоположном берегу пруда служит водоразделом — за ним другой, большой прямоугольный верхний пруд. В нескольких шагах от него начинается главная аллея Тригорского парка.

На светлом легком фоне листвы лип или дубов своеобразным парковым сюрпризом выделяется «Ель-шатер». Прямой и ровный тридцатиметровый ствол, темные густые ветви придают дереву сказочный вид, образуя настоящий зеленый шатер. Пушкин упоминает это прекрасное дерево в черновой рукописи пятой главы романа «Евгений Онегин» и в лирическом отступлении, где пишет о своей благодарной любви к Тригорскому.

Но там и я свой след оставил,
Там, ветру в дар, на темную ель
Повесил звонкую свирель.

Поэтичным символом Тригорского, многих радостей, творческих исканий и побед, которые Пушкин пережил там и вблизи отсюда, он избирает именно «Ель-шатер».

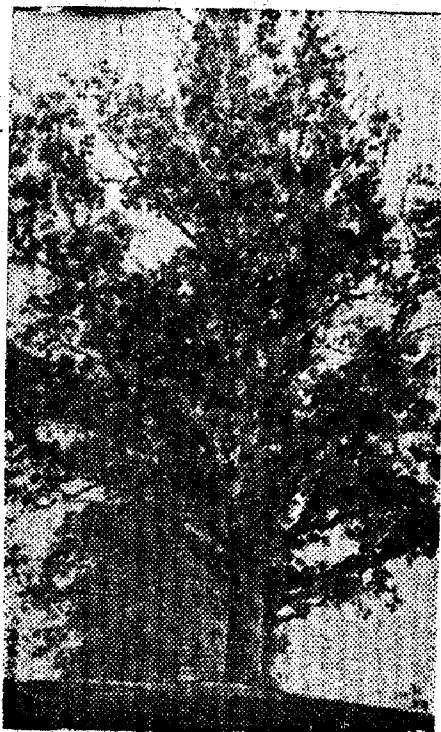
В конце главной аллеи, справа, ветвится двумя тонкими стволами березка, посаженная на месте старой березы «седла», погибшей от грозы много лет тому назад. По преданию, бросил когда-то Пушкин в дуло старой березы не то кольцо, не то монетку.

По тенистой аллее мимо вековых лип, стеной ограждающих парк от соседнего луга, или вернувшись к «Ели-шатру», свернув мимо нее налево, можно выйти к круглой зеленой лужайке. Когда-то лужайка была обсажена двенадцатью дубами; пять из них сохранились доныне. В центре лужайки — высокий шест. Тень от него, падая меж-

ду дубами, указывает время. Это старинные «Солнечные часы».

От лужайки аллея ведет к величавому трехсотлетнему дубу, одиноко стоящему на насыпной горке, воспетому Пушкиным:

Гляжу ль на дуб уединенный,
Я мыслю: патриарх лесов,
Переживет мой век забвенный,
Как пережил он век отцов».

У этого могучего дерева невольно приходит на память сказочный дуб—«У лукоморья», так и нарекло тот дуб предание, тоже возникшее в семье Осиповых-Вульф.

«Дуб уединенный», как весь Тригорский парк, сильно пострадал в период фашистской оккупации, но советские люди залечили его раны.

Восстановленный парк с его вековыми деревьями и парковыми затеями теперь не только навевает воспоминания о Пушкине, но говорит и о любви советского народа к своему великому национальному поэту.

Городище Воронич

Рядом с Тригорским парком—городище Воронич. Городище—памятник далекого героического прошлого русского народа, его славной истории.

Высокий холм—остатки бывшей здесь в XIV—XVI веках крепости, воздвигнутой, по свидетельству летописца, умелыми руками псковских строителей крепостей. Она находилась в центре псковского пригорода Воронич. Воронич имел большое значение как пограничный стратегический пункт, защищавший наряду с другими пригородами, (Врев, Выбор, Остров, Велье, Опочка и др.) подступы к Пскову с юго-запада, и как важный торговый пункт, обеспечивающий удобную переправу по торговому тракту из Москвы и Пскова на Литву и Польшу.

В XV веке в Ворониче числилось до 400 податных дворов и несколько монастырей. В народе сохранилось предание о том, что в пригороде и вокруг него было 77 церквей и монастырей. Значительно превышая Велье, Опочку, Остров и др. пригороды, Воронич достиг расцвета к концу XVI века. Полчища Стефана Батория разгромили крепость и, отступая, уничтожили пригород, отомстив героическим защитникам Воронича и земли русской, задержавшим войска захватчиков и не давшим им возможность застать врасплох псковичей. Дальнейшие набеги ивоземцев на пригород, лишенный крепости и ратных людей, подвергли его окончательному разрушению.

Вершина холма, онаясанная с юго-запада высоким и крутым валом, представляет собою подковообразную площадь размером более полутора гектаров. В далеком прошлом она была обнесена высокими деревянными стенами с башнями по углам.

В крепости было двое ворот, из которых вели боковые дороги. Следы этих дорог сохранялись и по настоящее время. Внутри крепости находились склады оружия, бастионы и передовые укрепления, «овальные клети» — постройки легкого типа, которые являлись временным убежищем для окрестных жителей в моменты опасности.

С XVII века земли бывшего пригорода и окружающих его многочисленных монастырей и церквей перешли в царскую вотчину, а затем были разданы дворянам. В частности, праведку Ивану А. П. Гапшибалу, парня Елизавета пожаловала в 1742 году Михайловскую губу. Егорьевская губа согласно указу Екатерины II в 1762 г. перешла во владение деда П. А. Осиповой-Вульф — М. Д. Выдомского.

Сын М. Д. Выдомского, отец П. А. Осиповой, А. М. Выдомский был похоронен на городище Воронич у восточной алтарной стены бывшей Егорьевской церкви в 1813 году. В 1881 году рядом с ним похоронена жена П. А. Осиповой — А. П. Вульф. Их могилы находятся под обшивкой памятником — белым мраморным крестом, рядом под мраморной могильной плитой покоится прах мужа П. А. Осиповой — И. С. Осипова. Около него под такой же плитой в 1859 году похоронена жена хованца Григорского — Прасковья Александровна Осипова.

К северу от остатков фундамента Егорьевской церкви между древними каменными крестами находится могильная плита В. П. Гапшибала, сына П. А. Гапшибала, владельца Петровского. Эта плита перенесена сюда в связи с перенесением его праха с могилы д. Воронич на территорию Пушкинского кладбища. Рядом могила И. В. Раевского, легендарного пушкинского «пола Шкоды».

Некогда в крепости были две церкви — Ильинская и Егорьевская. Следы Ильинской церкви почти совершенно утрачены. Находилась она в центре крепости, ближе к валу, на месте старого кладбища. Сохранились остатки фундамента Егорьевской церкви, сгоревшей в 1913 году, основание каменной ограды и несколько интереснейших древних каменных надгробий XV—XVI веков.

Бывая в Михайловском Пушкин в значительном интересе знакомился с историческими памятниками прошлого, с событиями тех времен, о которых они напоминали. Он был на городищах в Велье, Опочке и, конечно, особенно часто бывал на городище Воронич, на Сашинной горке и в Свитогорском монастыре.

Как тоско связана история создания трагедии «Борис Годунов» с местными впечатлениями, выразительно говорит замечание на первоначальном заглавии:

«Писано ввесь Александром Пушкиным».

в лето 1833

На городище Воронич».

В Егорьевской церкви 7 апреля 1825 года Пушкин вместе с А. П. Вульф отслужил панихиду в годовщину со дня смерти Байрона, сложившего свою голову в борьбе за независимость греческого народа.

Семейное геликское кладбище Осиповых-Вульф принадлежало его по отцу отцу Удлинскому угоднику. Словом, все на городище связано с Пушкиным и Пушкиной.

В крепости было две башни, в которых были деревянные дороги. Башни этих дорог соединялись и с низкими стенами. Башни крепости имели вид башен с высокими стенами, с бойницами и проходами. Стены крепости были из кирпича, а башни были из камня, которые выдержали ударами пушек и выстрелов артиллерии в течение нескольких лет.

С XVI века земля башен превратилась в скотный двор, его многоцелевыми хозяйством и в начале XIX века земля была выкуплена, а затем была разделена на участки. В настоящее время земля принадлежит А. И. Гринькову, дочери Баниной. В 1742 году Михаил-Евдокимович Банин купил землю в уезде Благородный и в 1762 г. передал ее владению князя Н. А. Олениковича Кутайба — М. Д. Золотарева.

Сын М. Д. Выгодомов, отец Н. А. Олениковича, А. М. Выгодомов был прохоромом на рязанском дворе и в начале XIX века был избран в члены Рязанской палаты в 1812 году. В 1881 году Рязань с ним принадлежал сын Н. А. Олениковича — А. И. Вульф. Их сын был холостым подполковником — озем мраморной крепости, Рязань под командой мраморной палаты в начале XIX века. А. Оленикович — Н. С. Олеников. Озеро было под руководством в 1859 году похоронил сам холостой Т. Преподобного — Николаев Александрович Северин.

К северу от основания фундамента Кромлевской крепости между деревьями находились остатки каменной кладки и палаты В. И. Гринькова, сына Н. А. Гринькова, владения Петровского. Эта палата принадлежала брату в семье с дочерью захороненном его прадеду с петрова Д. Воронин на территории Пушкинского завода. Рязань находилась Н. Е. Каюков, герцога князя Пушкинского «школа Николаев».

Несколько в крепости были две церкви — Покровская и Егорьевская. Стены Покровской церкви почти совершенно разрушены. Находиться она в центре крепости, ближе к входу, на месте старого кладбища. Сохранились остатки фундамента Егорьевской церкви, построенной в 1913 году, основанной на каменной основе и построенной на кирпичных фундаментах каменными стенами XV—XVI веков.

Бывшая в Михайловском, Кушали с землеметрической значимостью с историческими памятниками прошлого, с обитателями тех времен, о которых они не упоминали. Он был на территории в Рязань, Олеников и, вероятно, освобождено что-то было на территории Веронин, на бывшей горе и в центре города монастыря.

Как видно из истории создания территории «Берег Рязанский» с историческими памятниками, выражением говорит значимость на историческом здании:

«Писано опись Александровича Кушалиным».

в 1800 году

на территории Егорьевской».

В Егорьевской церкви 7 августа 1825 года Пушкин вместе с А. И. Вульф отслужил панихиду в годовщину со дня смерти Вульфа, основателя этого города. В борьбе за независимость прецедентного народа.

Семейное село село кладбище Семеевичей Вульф привлекло его историческую значимость. Словом, все на территории связано с памятью о Кушалине.

В крепости было двое ворот, в которых вели боковые дороги. Следы этих дорог сохранились и по настоящее время. Внутри крепости находились склады оружия, боеприпасов и продовольствия, «осадные клети» — постройки легкого типа, которые являлись временным убежищем для окрестных жителей в моменты опасности.

С XVII века земли бывшего пригорода и окружающих его многочисленных монастырей и церквей перешли в царскую вотчину, а затем были разданы дворянам. В частности, прадеду Пушкина А. Н. Ганибалу царица Елизавета пожаловала в 1742 году Михайловскую губу. Егорьевская губа согласно указу Екатерины II в 1762 г. перешла во владение деда П. А. Осиповой-Вульф — М. Д. Выдомского.

Сын М. Д. Выдомского, отец П. А. Осиповой, А. М. Выдомский был похоронен на городище Воронич у восточной алтарной стены бывшей Егорьевской церкви в 1813 году. В 1881 году рядом с ним похоронили сына П. А. Осиповой — А. Н. Вульфа. Их могилы находятся под общим памятником — белым мраморным крестом, рядом под мраморной могильной плитой покоится прах мужа П. А. Осиповой — П. С. Осипова. Около него под такой же плитой в 1859 году похоронена сама хозяйка Тригорского — Прасковья Александровна Осипова.

К северу от остатков фундамента Егорьевской церкви между древними каменными крестами находится могильная плита В. П. Ганибала, сына П. А. Ганибала, владельца Петровского. Эта плита перенесена сюда в связи с перезахоронением его праха с погоста д. Воронич на территорию Пушкинского заповедника. Рядом могила Н. Е. Раевского, легендарного пушкинского «пона Шкоды».

Некогда в крепости были две церкви — Ильинская и Егорьевская. Следы Ильинской церкви почти совершенно утрачены. Находилась она в центре крепости, ближе к валу, на месте старого кладбища. Сохранились остатки фундамента Егорьевской церкви, сгоревшей в 1913 году, основание каменной ограды и несколько интереснейших древних каменных надгробий XV—XVI веков.

Бывая в Михайловском, Пушкин с живым интересом знакомился с историческими памятниками прошлого, с событиями тех времен, о которых они напоминали. Он был на городищах в Велье, Опочке и, конечно, особенно часто бывал на городище Воронич, на Савкиной горке и в Святогорском монастыре.

Как тесно связана история создания трагедии «Борис Годунов» с местными впечатлениями, выразительно говорит замечание на первоначальном заглавии:

„Писано бысть Алексашкою Пушкиным.

В лето 7433.

На городище Ворониче*.

В Егорьевской церкви 7 апреля 1825 года Пушкин вместе с А. Н. Вульф отслужил панихиду в годовщину со дня смерти Байрона, сложившего свою голову в борьбе за независимость греческого народа.

Семейное сельское кладбище Осиповых-Вульф привлекало его поэтичностью этого удивительного уголка. Словом, все на городище связано с памятью о Пушкине.

С верхней точки крепостного вала, высота которого равна 26 метрам, видны просторы полей, лугов, живописных окрестностей Воронича. Это излюбленное место экскурсий и прогулок для всех, посещающих Пушкинский заповедник.

ТЖ 01996 Подписано к печати 9-XI-62 г. Объем 1 л. л.

Заказ № 1982. Цена 5 к.

Тираж 10000

Пушкиногорская тип.